

ВНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ:

МЕШАЮЩИЕ СТЕРЕОТИПЫ

Автор: А. А. НЕЩАДИН, Г. Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

НЕЩАДИН Андрей Афанасьевич - кандидат социологических наук, профессор Московского государственного университета прикладной биотехнологии, ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович - доктор философских наук, профессор НИУ - Высшая школа экономики (СПб)

Осмысление попыток решения конкретных социальных проблем России показывает, как под увеличительным стеклом, сфокусированно и выпукло, до очевидности ясно, все главные проблемы российской экономики и общества, связи, механизмы и процедуры взаимодействия бизнеса, науки, государства, организованной и неорганизованной общественности. В этом, наверное, заключается важность и поучительность как возникновения этих проблем, их развития, и, особенно - путей решения, поиска способов, алгоритмов таких решений. Осмысление этого опыта важно и для преодоления сложившихся стереотипов. Проиллюстрируем эту мысль на примере моногородов.

Феномен российских моногородов. В той или иной степени монопрофильные города присутствуют в экономике любой страны, особенно обладающей большой территорией, богатой природными ресурсами. Но такого количества монопрофильных городов, как доставшегося Российской Федерации от советского прошлого, в мире нет. Моногорода производят четверть российского ВВП, в них сосредоточено около четверти городского населения. Этим Россия радикально отличается от сопоставимых по территории, плотности населения, богатству недр Канады, Австралии, Бразилии, США. В этих странах концентрация населения в мегаполисах на порядок больше, чем в России. Это цивилизационный тренд: индустриализация, урбанизация, формирование информационного общества в мегаполисах, обеспечивающих концентрацию квалифицированного человеческого капитала, финансов, транспортной и информационно-коммуникативной инфраструктуры. Свыше 99% патентов в США получено в мегаполисах.

Можно сказать, что количество моногородов, доставшихся в наследство России, - следствие недальновидной политики советского руководства, распыления основных фондов и человеческого капитала. Политики сознательной, строившейся на мифологии "политэкономии социализма" и "научного коммунизма" с установками на стирание граней между городом и деревней, равномерного распределения производительных сил и т.д. Процесс градообразования и роста городов в период советской власти жестко регулировался. До начала 1960-х годов ограничивалась миграция сельского населения, лишённого паспортов. Там, где это считалось целесообразным, действовали механизмы общественных призывов - организованной миграции в города-новостройки. Ограничивалась прописка в крупных и крупнейших городах. Эта система дополнялась пенитенциарными формами миграции - высылкой отдельных категорий населения из крупных городов, организацией спецпоселений и другими.

Под влиянием регулируемых миграционных процессов складывалась неестественная и слабо функциональная структура городского расселения. Вместе с ней неестественный характер приобретал процесс урбанизации. Важнейшие характерные черты и противоречия этого процесса: высокий темп роста городского населения, повлекший изменение городской среды, а в <социологическом> контексте - маргинализацию социальной структуры; незавершенный, ущербный характер урбанизации; низкое качество городской среды; наличие острых экологических проблем в городах; асимметрия городского расселения между Европейской и Азиатской частями страны; деформация функциональной структуры городов.

Характерной особенностью этого периода было доминирование монопрофильных городских образований, небольших городов и поселков городского типа, привязанных к предприятию или ряду предприятий отрасли. Административные ограничения роста агломераций и крупных городов в период советской власти имели негативные социальные и экономические последствия.

Формирование рыночной экономики современной России все поставило на свои места. Рынок (инвесторы, финансовый и человеческий капитал) быстро выбрал мегаполисы. Это иллюстрирует формирование "российского Детройта" в Санкт-Петербурге и Калуге. Инвесторы не хотят начинать с нулевого цикла в степи или тайге, идут туда, где есть образовательная, научная и инженерная инфраструктура. Эмпирическую базу нашей аргументации можно продолжать, однако, поскольку это сделано в наших публикациях¹, перейдем к обобщающим наблюдениям.

Можно констатировать наличие стереотипной идеи *второстепенности, вторичности социальной политики* по отношению к экономике. Между тем зарубежный опыт успешного решения проблемы моногородов² свидетельствует о том, что ключом к реализации проектов и программ их реструктуризации и развития является особо кропотливая работа с их человеческим потенциалом. Подтверждена истина: люди не просто человеческие ресурсы (или "кадры"), а источник, механизм и результат экономического развития. Это наглядно продемонстрировал опыт успешной модернизации практически лишенных природной ренты экономик (Япония, Сингапур, Тайвань). Да и большинство нобелевских премий в области экономики последних десятилетий получено за разработки социальных и социально-культурных факторов экономического развития.

С названным выше стереотипом связан другой - возможности решения проблемы *инновационного развития экономики страны в целом*. Следует различать "инновационное развитие" и "развитие инноваций". Инновационное развитие - некая внятная политическая стратегия модернизации общества, его экономики. Ярким примером такой стратегии является постколониальное развитие Сингапура. "Из третьего мира в первый" - назвал книгу воспоминаний автор и реализатор этой стратегии Ли Куан-ю - глава правительства островной республики, за два десятилетия вышедшей на передовые рубежи мировой цивилизации.

Развитие инноваций связано с освоением новых технологий, дающих новый уровень продукции и услуг, производительности труда и качества жизни. Полноценное развитие инноваций - проблема (скорее - задача) микроэкономическая. Инициатор нововведения, просчитав риски, консолидировав возможные средства, имеет возможность реализации проекта. И за последствия своей инициативы он, как собственник, несет ответственность. Роль государства - поддерживать реализацию инноваций.

Еще один стереотип, а точнее - *иллюзия изначальной инновационности бизнеса* - мол, бизнес, в силу рыночной конкурентности, по самой природе ориентирован на инновации. Очень романтическая иллюзия. Бизнес затевается и ведется не ради

¹ Социальное партнерство: Опыт, технологии, оценка эффективности / Под ред. А. А. Нещадина, Г. Л. Тульчинского. СПб., 2009; Тульчинский Г.Л. Постимперская культура как ресурс и барьер инновационного развития // Философские науки. 2010. N 1, с. 51 - 72, а также материалы Круглого стола "Культура как ресурс и барьер инновационного развития" в этом же номере журнала (с. 13 - 83).

² За последнее десятилетие моногородами стали города Рура в Германии, провинции Рон-Альпы во Франции, ряд портов Японии, Великобритания.

участия в конкуренции. Он ведется с целью получения - хотя бы временного - монопольного преимущества, чтобы за счет то ли качества продукта, то ли каких-то тонких отношений с властями, то ли за счет чего еще, но из конкуренции выскочить. Даже развивающая бизнес-навыки известная многим с детства игра называется "Монополия". Поэтому, когда временное монопольное преимущество дает не развитие инноваций, а связь с административным ресурсом, мотивация у бизнеса в развитии инноваций ослаблена.

В таких условиях понятна *роль государства*, задающего правовые рамки, обеспечивающего ПОЛИТИЧЕСКУЮ стабильность, охрану прав собственника, создавая равные условия ведения бизнеса, пресекая нечестную конкуренцию. Тем самым создаются условия формирования конкурентной среды, стимулирующей бизнес к инновациям. Если государство само начинает выступать в роли собственника, создает преференции для "правильного" бизнеса доверенных лиц, бизнесу заниматься инновациями ни к чему. Наоборот, он оказывается заинтересованным в сохранении монопольного статус-кво, что с неизбежностью ведет к экономической стагнации. Исторических и современных примеров тому множество. Задача государства подобна хозяину, выгуливающему собаку. Та может рыскать в разные стороны, но общий курс, в т.ч. с помощью поводка, выдерживает хозяин. Иначе говоря, речь идет о создании условий и рамок ДЛЯ модернизации, инновационного развития. Эта роль государства особенно важна в стадии перехода экономики и общества.

Показателен в этой связи проект иннограда в Сколково под Москвой (что хорошо), с привлечением иностранного капитала и специалистов (что тоже правильно). Но в проект закладывается принцип экстерриториальности, как главное условие его успешности. Там будет действовать особый правовой, таможенный, налоговый режим. Для резидентов иннограда ведены нулевые налоги на имущество организаций, на землю, транспорт, НДС, на прибыль. В Сколково будет своя, отличная от общероссийской, милиция, ЖКХ будет заниматься специально создаваемая управляющая компания. При всей важности этого проекта нельзя не признать, что он ставит диагноз российскому государству, не способному создать условия эффективного развития инноваций больше нигде, кроме как в этом небольшом кампусе.

Не менее искажает реальность и "*демократический стереотип*", бытующее среди демократической и либеральной оппозиции мнение, будто для инновационного развития необходима демократизация общества. Примеры Германии, Японии, Кореи, Чили, Испании, более ранние исторические примеры показывают, что нигде и никогда модернизация общества не осуществлялась посредством демократизации. Из теории и практики менеджмента известно, что реорганизация предполагает централизацию полномочий для реализации идеи проекта. Демократия, делегирование полномочий - результат, в некотором смысле - итог, продукт создания рыночной экономики, конкурентной среды. Нужно только понимать, что стартовая централизация не может быть самоцелью, а тем более - использоваться в целях захвата и передела собственности, что происходит в России. Проблема не в централизации, а в отсутствии "длинной воли" и "длинных мыслей" у российского правящего класса, заигравшегося в собственность. Власть ради власти порождает коррупцию, невостребованность, отторжение любой модернизации.

В этой связи можно говорить о неадекватном отношении к *имперскому опыту и наследию*. Речь даже не о изучении успешного опыта модернизации России в петровских реформах. Эта модернизация дала такой импульс развитию России, что плодами его мы пользуемся до сих пор. Петровские реформы - хороший пример "длинной воли". Они строились на основе заимствования передовых практик, ставки на науку и образование, формирования на этой основе новой, в том числе властной элиты. Дело даже не в этом. Почти отсутствует само понимание исторической роли и значения, потенциала постимперской культуры, создающей качественно новый человеческий капитал, закладывающей основы открытого общества. Мы гордимся именно имперским прошлым, апеллируем к этому прошлому - уже нереализуемому, вместо того чтобы, опираясь на социально-культурный потенциал, выработанный этим прошлым, строить новое общество.

Малоконструктивны и попытки решения проблем исключительно на основе *государственно-частного партнерства*. Подавляющее большинство отечественных наработок и рекомендаций по решению проблемы моногородов, в конечном счете, сводят эти решения к реализации тех или иных форм партнерства государства и бизнеса. Однако ограничение только взаимодействием власти и бизнеса напоминает "диалог" двух глухарей на току, не замечающих, что за ними пристально наблюдает третий. В данном случае - общество. Обращение к российскому историческому опыту убедительно демонстрирует опасные последствия такого развития.

Ergo, роль социальной политики: институты и культура. Проблема модернизации - в том числе моногородов, особенно в российских условиях - не столько экономическая проблема подтягивания государством определенных ресурсов. Это прежде всего проблема *реализации внятной социальной политики, системно развертываемой на корпоративном и региональном уровнях*. В нашем случае (моногорода) корпоративная социальная политика - как внутренняя, так и внешняя - оказывается практически в полном объеме социальной политикой региональной. И наоборот.

Оценка эффективности социальной политики, в конечном счете, должна соотноситься с реальными потребностями общества, с социальным заказом. Иначе социальные инвестиции нецелесообразны - по номенклатуре и объему. Выработка социального заказа - дело диалога бизнеса с местными властями и общественностью. Наличие такого социального заказа позволяет говорить об эффективности социальной политики как изменении реальных проблем, ее породивших, вычленять долю (соотношение) целевого использования средств и организационных расходов. В регионах накоплен опыт (проведение слушаний, ярмарок идей и т.п.). Он нуждается в обобщении до выработки методики процедуры и механизма принятия социальных заказов и контроля их реализации.

Этот момент представляется особенно важным применительно к реструктуризации и развитию моногородов. Поэтому чрезвычайно важна разъяснительная, образовательная работа, создание активной, конструктивно настроенной позиции местного сообщества, его готовность к инновационному развитию, требующему зачастую серьезных личных усилий. Речь идет об использовании комплекса информационно-коммуникативных технологий по формированию ориентации населения на создание нового качества жизни. Социальные инвестиции в этом плане становятся точечным вливанием, инициирующем запуск процесса развития, а точнее - саморазвития региона.

Важно понять, что речь идет не просто о пиаре в смысле пропагандистской накачки и манипулирования, а о реализации именно PR как Public Relations и Public Responsibility - взаимно-ответственного социального партнерства. Пренебрежение такой работой, с одной стороны, отношение к населению как к ренте (человеческим ресурсам), помноженное на боязнь социального взрыва, как раз чревато возможностями взрыва.

Важнейшими задачами являются привлечение внимания широкой общественности к наиболее эффективному опыту социальных инвестиций и социального партнерства; налаживание конструктивных социальных связей и отношений бизнеса с различными социальными группами рыночной и вне рыночной среды; оптимизация отношений с местными органами власти и общественностью; создание предпосылок конструктивного общественного диалога, консолидации общества на конструктивной основе. Несомненный интерес в этой связи представляет опыт корпорации СУЭК, фонда Евразия в ряде городов Сибири, когда социальные инвестиции по обеспечению занятости направляются не в бизнес, а на развитие человеческого капитала, ориентированного на поиск новых точек роста. Обобщение такого опыта дает методическую процедуру, конкретную технологию выявления возможных участников социального диалога и партнерства, их операционализации, создавая, в конечном счете, некоторые условия наращивания тканей реального гражданского общества. Таким образом, пример моногородов доказывает, что главной проблемой их модернизации и инновационного развития, как и всего российского общества, является вопрос о социально-культурных институтах.